

Глава 4. Новый порядок

Пока держался Черкасский плацдарм, немцы, сидевшие в Смеле и занятые главным образом боевыми действиями, ее гражданское население, можно сказать, не тревожили. У нас, в Малой Яблоновке, они даже не показывались. Народ жил негромкой жизнью затворника, и, дабы не навлечь на себя беды, старался из своих жилищ лишней раз не высываться.

Явные стеснения мы почувствовали, когда стала вводиться новая, немецкая администрация, а вслед за ней создаваться и новая украинская власть – районная управа и полиция, а в селах старосты и сельская полиция. Тем не менее даже в это время через оккупированную территорию продолжали просачиваться на восток остатки наших разбитых частей. Участники жестоких боев, потеряв своих командиров, уходили по собственному разумению. Шли группами и в одиночку, где скрытно, пробираясь полями, огородами да перелесками, а если удавалось переодеться в гражданскую одежду, то в потоке беженцев...

Однажды большая группа таких красноармейцев вышла к окраине Гречковки. Жалкие, растерянные, они пытались избавиться от армейского обмундирования, грозившего им пленением, и выпрашивали у людей хоть какой-нибудь одежонки взамен¹³⁸. Однако даже такую раздобыть было не так-то просто. В те годы не каждый имел в своем гардеробе что-то лишнее, большинство обходилось единственным «нарядом». Особенно ценной тогда считалась обувь. Нынешним поколениям, страдающим от материальных излишеств, этого уже не понять.

23. В Смеле пока тихо. Немецкая штабная автоколонна в центре города. Вторая-третья семидневка августа 1941 г. Снимок неизвестного немецкого фотографа¹³⁹

¹³⁸ По словам моей близкой школьной знакомой Жанны Юрченко (замечу, одноклассницы и супруги Виктора Олейника), проживавшей тогда в Куту, эту картину она наблюдала на противоположной от нее стороне Тясмина, под прибрежным обрывом в районе нынешней улицы Вильямса в Гречковке.

¹³⁹ Несколько лет тому назад настоящая фотография выставлялась на зарубежном интернет-аукционе серии eBay. 9 января 2014 года ее демонстрационный вариант под названием «Смела, Черкасская область, Церковь Покрова Пресвятой Богородицы» был размещен на сайте <https://fotki.yandex.ru/users/sergeypopov2566/album/88522/>, откуда и заимствован мною. Сейчас местонахождение оригинала фотографии неизвестно.

23-1. Привязка снимка 23 к спутниковой карте центра современной Смелы¹⁴⁰

Время шло, уже действовал «новый порядок», но окруженцы – раненые, измученные, голодные – всё продолжали выходить на люди. Просили помощи, укрытия, приюта, еды. Такое происходило почти в каждом селе. Их выхаживали, скрывая от немецких пособников, а если случались провалы, то старались выдавать за дальних родственников, безобидных беженцев или даже откупались от наказания (и такое бывало!).

Как-то напросились на ночлег и к нам двое таких бедолаг. Мы их приняли, подкормили. Переночевав на полу в кухне, они на утро ушли дальше. Нам же оставили массу... вшей и гнид. Тогда-то впервые я и узнал, что это такое. Долго после мы боролись с этим «зверем» – выстирывали одежды; проверяли каждый шов в нижнем белье, копались друг у друга в волосах... Искали эту тварь, находили и ногтями, с характерным легким треском, давили паразитов¹⁴¹... Это было еще полбеды.

Недели через две отец и Николай заболели сыпным тифом: вши наших гостей оказались заразными. Много дней у больных держалась температура около 40° С, лихорадило их страшно. Особенно страдал отец. Мама, невосприимчивая к тифу (она дважды переболела им еще в гражданскую войну), металась с мокрыми полотенцами между бредившими в спальне супругом и Николаем. Меня, кого зараза не зацепила, изолировали в гостиной, но в закрытую спальню, к больным, я всё же несколько раз проникал (не помню, зачем – может быть, просто из любопытства).

Слава Богу, больные поправились, но страху мама натерпелась...

Автомобили по ходу движения колонны: 1) полутоннажный грузовик «Опель-Блиц» 2,5-32; 2) двухместный легковой автомобиль «Ганомаг» 4/20-4/23; 3) полутоннажный грузовик «Феномен Гранит-25» (частично видный на правом срезе фотографии). Автомобили идентифицировал мой земляк, нелицемерный патриот нашей старой, доброй Смелы Сергей Васильевич Горбачёв.

На противоположной стороне улицы, за колонной – заколоченные деревянные ларьки смелянского базара; на заднем плане – Покровская церковь.

¹⁴⁰ Точка съемки – на левой, по ходу движения колонны, стороне улицы Дзержинского, рядом с северо-восточным углом здания кинотеатра «50-летие Октября». Направление съемки указывается **красной стрелкой**, сектор захвата пространства фотокамерой – линиями белого цвета.

¹⁴¹ Много ли сейчас найдется умельцев, кто знает, как расправляться с гнидами? Я – один из них.

Жизнь продолжалась. Будущее виделось неясным – надо было как-то пристраиваться к новым условиям.

Пришло время развернуться всяким предателям. Заявили о себе когда-то обиженные советской властью, вроде раскулаченных или уголовных элементов; открылись откровенные, таившиеся до этого, ее враги; были среди перебежчиков те, кто руководился чисто шкурными, карьерными интересами; были окруженцы, потерявшие веру в счастливый исход своих скитаний; были военнопленные, узники проверочных лагерей, польстившиеся на разные посулы немцев и обещание им амнистии... Одним словом, недостатка пособников у немцев не было.

Только на северном участке улицы Первомайской (между нашей хатой и пристанционным ее концом) на службу к немцам переметнулось несколько человек, в частности: зять нашей соседки «бабы Паши» Василий Мотузенко; живший над «ярком» Гордиенко; сын обитавшего рядом с ним Василия Бобрицкого (см. пояснения к иллюстрации 4)...

Старостой в Малой Яблоновке стал державшийся в прежнее время темной лошадкой Путько. По словам моей мамы, в нашу местность его занесло ветрами Первой мировой войны или в гражданскую. Обосновался он поначалу в Березняках, имел там хату, семью... Потом перебрался в нашу Яблоновку, первую жену бросил и во время оккупации жил уже с другою женщиной. Мама его называла австрийцем, хотя по фамилии он явный украинец. Раньше об этом противоречии мне задумываться не приходилось, теперь же, обратив на него внимание и поразмыслив, замеченное разноречие я раскрыл: Путько, скорее всего, был выходцем из Западной Украины, которая до Первой мировой входила в состав Австро-Венгрии. Вот откуда его кличка – «австриец»!

Пошла охота на коммунистов, комсомольцев, профсоюзных активистов; за всеми устроен строгий надзор. Подворье свое без крайней надобности не покидаем. Живем слухами.

Первые новости от оккупационных властей.

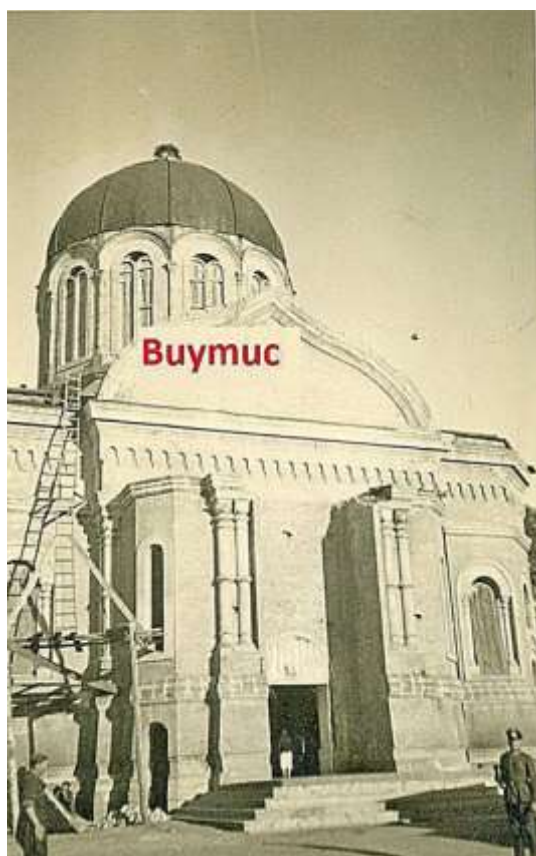
Немцы, оказывается, намерены возобновить все прежние производства, хозяйства... Сохраняются даже колхозы, только теперь они называются «общественными дворами». Только теперь всё должно служить рейху.

Началось восстановление порушенных предприятий, транспорта, учреждений. Недостатка в рабочей силе не будет: объявлена обязательная трудовая повинность для всех жителей в возрасте от 18 до 45 лет. В Смеле заработала больница, мало-помалу оживляются базары, возрождается церковная жизнь¹⁴²...

¹⁴² Упомянувшийся выше мною старожил Петр Левицкий свидетельствовал: уже в сентябре в Смеле в подновленной усилиями прихожан Покровской церкви, используемой раньше, при Советской власти, в качестве хранилища «Заготзерна», начались богослужения!

24. Базар в Смеле. Офицер СС присматривает за порядком.
Май 1943 г. Снимок неизвестного немецкого фотографа¹⁴³

25. Возобновление Покровской церкви в Смеле.
Сентябрь 1941 г. Снимок неизвестного немецкого фотографа¹⁴⁴

¹⁴³ Фотография числилась на одном из зарубежных интернет-аукционов в марте 2017 г. Источник: [523451,Foto Soldat Waffen SS Offizier am Bazar Smila Russland Ukraine Smela.](https://www.ebay.com/itm/Foto-Soldat-Waffen-SS-Offizier-am-Bazar-Smila-Russland-Ukraine-Smela-1943-523451)

Датировка снимка дается по надписи на немецком языке на обороте фотографии: «*Bazar in Smela. Mai 1943*».

¹⁴⁴ Фотография значилась на одном из зарубежных интернет-аукционов в марте 2017 г. Источник: [http://www.ebay.com/itm/Foto-ostfront-russia-bobrinskaja-kirche-1941-12-9-16-5-192071718225?hash=item2cb85dd551:g:wgEAAOSwt5hYapC3.](http://www.ebay.com/itm/Foto-ostfront-russia-bobrinskaja-kirche-1941-12-9-16-5-192071718225?hash=item2cb85dd551:g:wgEAAOSwt5hYapC3)

Датировка снимка уточнена мною.

На станции немцы в первую очередь взялись за восстановление путевого хозяйства, депо, вокзала, паровозоремонтного завода¹⁴⁵...

Немецкая машина заработала четко, без раскачки.

Как-то, вспоминал потом мой братец Николай, ребячье любопытство завело его в те дни на станцию, и он оказался свидетелем следующей картины. У руин сборочного цеха завода – несколько немецких спецов. Походили, осмотрели обрушенные стены, громадные пустые пролеты; потом постояли, перекинулись между собою несколькими фразами – очевидно, решая, что делать с разрушениями. Наши люди, которых привели сюда разбирать завалы, стояли группками в сторонке и ехидно ухмылялись: мол, дудки вам, вряд ли у вас получится поднять эту громаду. Но... Последовали команды распорядителей, начались работы... Продвигались они, как показало время, так быстро, что скепсис относительно способностей оккупантов должен был угаснуть.

За неожиданно короткие сроки были восстановлены мосты, депо, переложены железнодорожные пути с прежней, советской, широкой колеи на более узкую колею, принятую на германских дорогах... Станция запыхтела на полную мощность...

Серия приводимых дальше снимков немецких фотографов дает неожиданное представление о Бобринской в годы оккупации.

Должен отметить: чтобы их «прочитать», мне пришлось затратить немало усилий и времени. Только хорошее знание истории и географии станции и ее ближайшего окружения; память о ее послевоенных годах; анализ и сопоставление всех известных ее изображений; обследование на месте нынешних ее железнодорожных парков и объектов – только всё это в совокупности помогло мне до подробностей идентифицировать работы немецких хроникеров.

¹⁴⁵ Этим всем занимались немецкие фирмы. На них трудились в основном рабочие и специалисты из местного населения, но встречались и приезжие из Европы (инженеры из самой Германии, Австрии, Франции).

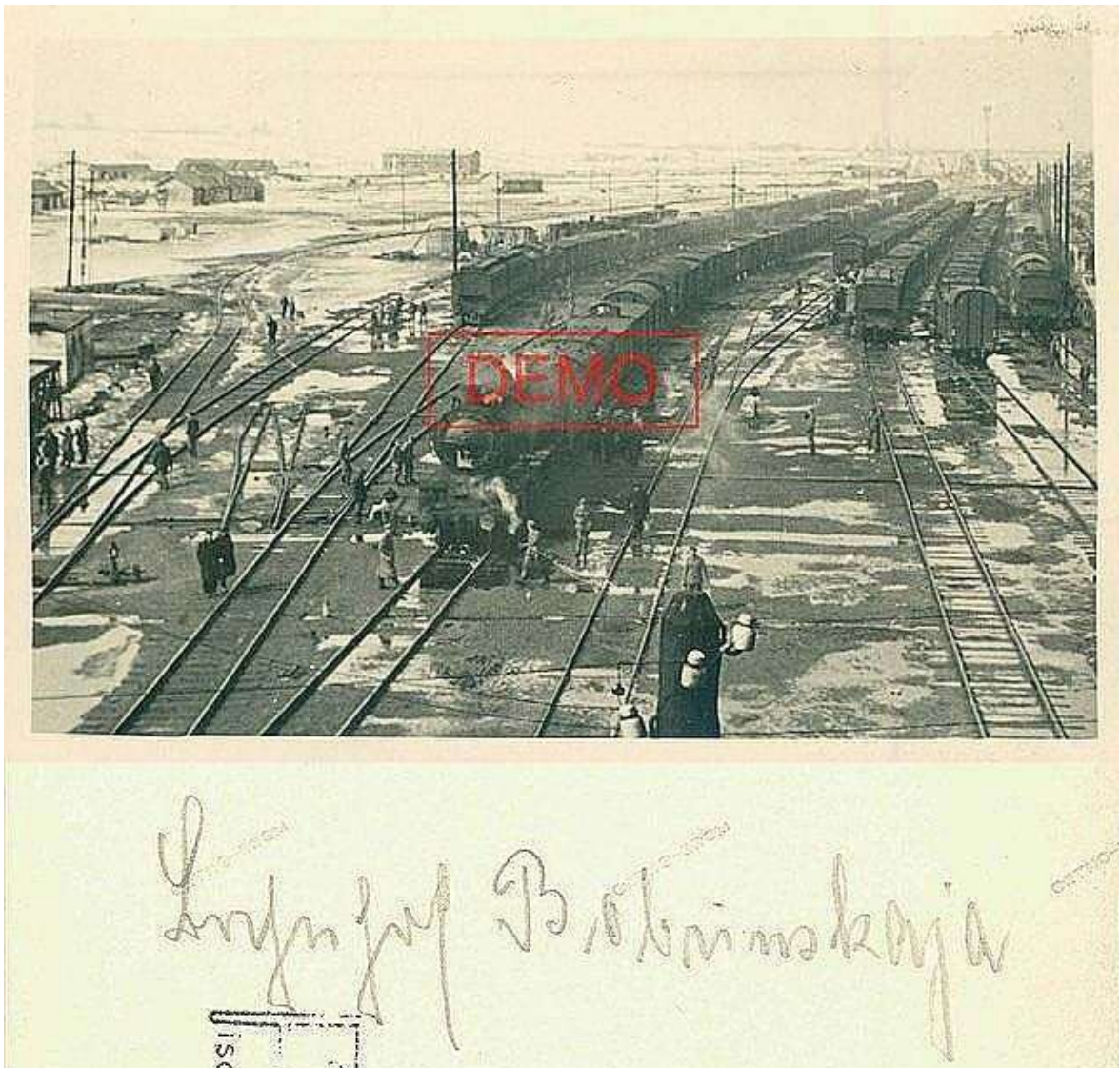
Смотрим...

26. Немецкий бронепоезд в Бахмачском парке на станции Бобринской.
Сентябрь 1941 г. Снимок неизвестного немецкого фотографа¹⁴⁶

Съемка выполнялась в середине Бахмачского парка в направлении на северо-запад. На заднем плане виднеется осветительная мачта. Подобная мачта в том месте – на траверзе с домом 34 по ул. Октябрьской при подъезде к Южному вокзалу – стоит и сейчас!
Датировка снимка уточнена мною.

¹⁴⁶ Фотография под названием «**Фото бронепоезда на станции Восточного фронта России Бобринская, 1941**» значилась на одном из зарубежных интернет-аукционов в марте 2017 г. Источник: <http://www.ebay.com/itm/Foto-ostfront-russia-bobrin-skaja-panzerzug-1941-12-9-16-5-/381913767895?hash=item58ebd59fd7:g:7LIAOSw9GhYapDr.>

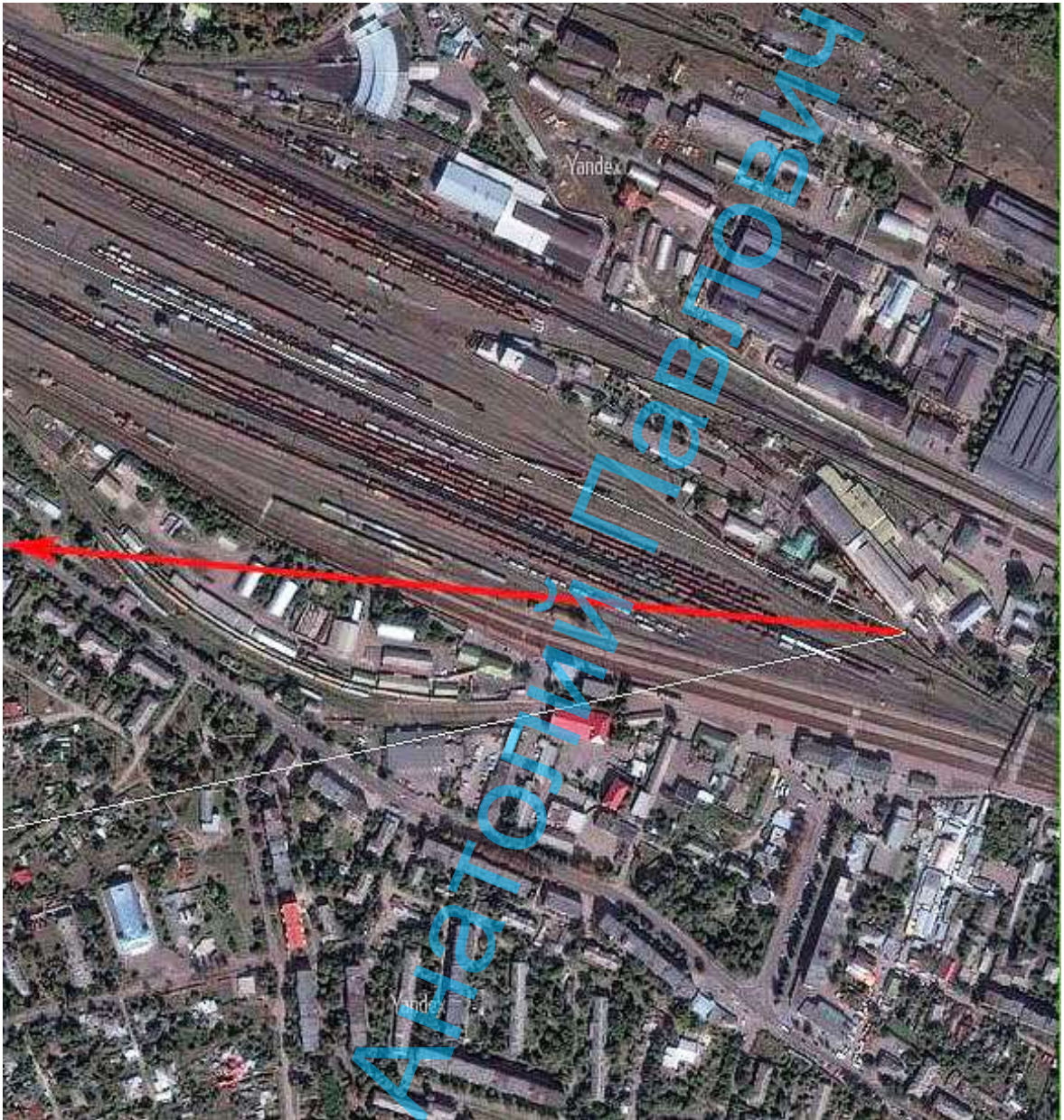

27. Вид на Бахмачский парк станции Бобринской.
Февраль 1942 г. Снимок неизвестного немецкого фотографа¹⁴⁷

Съемка производилась в направлении на запад (в сторону нынешней ул. Павлова) с места, около которого впоследствии, уже после войны, был построен переходной мост от нового, Южного, вокзала к старому – Северному. Станционный базар и нынешний Южный вокзал на этом снимке оказались бы с левой стороны **за обрезом** фотографии. В левой части снимка виден стрелочный перевод, оставшийся после перестройки путей на европейскую колею. Октябрьской улицы еще нет; вдали, на горизонте, в районе будущей ул. Павлова уже имеется большая двухэтажная постройка (видимо, «барак», в котором содержался концентрационный лагерь для военнопленных, известный сейчас как лагерь на ул. Павлова). В правом верхнем углу фотографии виднеется высокая осветительная мачта. Это – та же мачта, которая запечатлена на предыдущем снимке (см. иллюстрацию **26**)!

¹⁴⁷ Настоящее фото в свое время продавалось на одном из интернет-аукционов. Демонстрационный его вариант помечен карандашной подписью: «*Bahnhof Bobrinskaja*» («*Железнодорожная станция Бобринская*»). 10 февраля 2012 года известный исследователь ретрофотографий Сергей Попов разместил эту редакцию фото на своем сайте [sergeypopov2566/](https://fotki.yandex.ru/next/users/sergeypopov2566/album/183428/view/579884?page=17), в альбоме «СССР на немецких фото», снабдив ее подписью: «*Железнодорожная станция Бобринская (ныне: станция имени Шевченко в Смеле)*». Адрес снимка: <https://fotki.yandex.ru/next/users/sergeypopov2566/album/183428/view/579884?page=17>. Этот вариант фотографии как раз и воспроизводится здесь. Датировка фото моя.

Где находится оригинал фото в настоящее время, неизвестно (видимо, уже давно кому-то продан).

27-1. Привязка снимка 27 к спутниковой карте нынешней станции им. Т. Шевченко

Коваленко

28. Станция Бобринская. Вид с мачты освещения на выезд из сортировочного парка станции в сторону Цветково. Май 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля¹⁴⁸

В верхней части снимка (слева) видна знаменитая ветряная мельница времен Потемкина; правее, над выходящими путями из станции – мост в сторону нынешней улицы Веры Гордиенко; в створе правого конца моста, почти у горизонта, – труба на территории сахарного завода (по нынешней улице Розы Люксембург).

«Потемкинская» мельница и ее хозяйственные строения (на снимке – ближе к центру от самой мельницы) за несколько последних десятилетий практически не изменились, что следует из их изображения 1900-х годов. Оно приведено в моей Книге I¹⁴⁹.

Многочисленные строения типа больших бараков, которые видны в левой части снимка на некотором удалении от мельницы, строго отождествить не удалось. Сходство их (по местоположению и ориентации) со складскими строениями известного в Смеле «почтового ящика» за улицей Мазура позволяет предположить, что и во время оккупации там существовало что-то подобное.

¹⁴⁸ Эта, а также приводимые дальше фотографии, имеющие отношение к станции Бобринской периода оккупации, хранятся в коллекции фотоснимков [Reichsbahn im Krieg - Eisenbahnstiftung Joachim Schmidt](#) («Германские железные дороги во время войны»), собранной немецким журналистом и кинодокументалистом, большим энтузиастом изучения германских железных дорог, **Иохимом Шмидтом** (Joachim Schmidt). Каждую из этих фотографий Шмидт сопровождает датировкой и кратким описанием. Я, как уроженец, можно сказать, Бобринской и, хоть и малолетний, но свидетель того времени и, стало быть, «чувствующий» и знающий эту местность и время лучше, нежели создатель сайта, позволил себе кое в чем уточнить и подправить его данные.

Автором большинства из выставленных здесь мною снимков является профессиональный фотограф **Вальтер Холлнагель** (Walter Hollnagel), который в годы войны обслуживал компанию «Германские государственные железные дороги» и только некоторые принадлежат **Банделову** (Bandelow) – другому штатному фотографу того же ведомства. Можно только позавидовать возможностям немецких фотомастеров, работавших в то далекое время: уже тогда некоторые свои фотографии они выполняли... **в цвете!**

И последнее: все фотографии Шмидта у меня, для улучшения качества, подвергались обработке средствами программы Фотошоп.

¹⁴⁹ Смотри стр. 402.

28-1. Приблизительное место, с которого снимался план 28.
2013 г. Фото мое

Разница между фото **28** Холлнагеля и современным моим фото **28-1** состоит в том, что немецкий мастер снимал местность с высокой мачты, а я – с поверхности земли. На заднем плане снимка **28-1** просматривается упомянутый выше мост к улице Веры Гордиенко (он отчетливо виден при увеличенном масштабе изображения).

28-2. Привязка снимка 28 к спутниковой карте нынешней станции им. Т. Шевченко

29. Северо-западная часть станции Бобринской с видом на Смелу.
Май 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Локомотив прусского типа с прицепом из двух платформ с углем **въезжает** (со стороны Смелы) в Знаменский парк станции. Вдали виднеется Смела, остатки Смелянского водохранилища в ложе Серебрянки и дамба через него, оставшаяся от прежнего железнодорожного пути в сторону Черкасс. Справа внизу снимка – тень верхушки мачты освещения, с которой делался снимок. Видна и тень и самого фотографа.

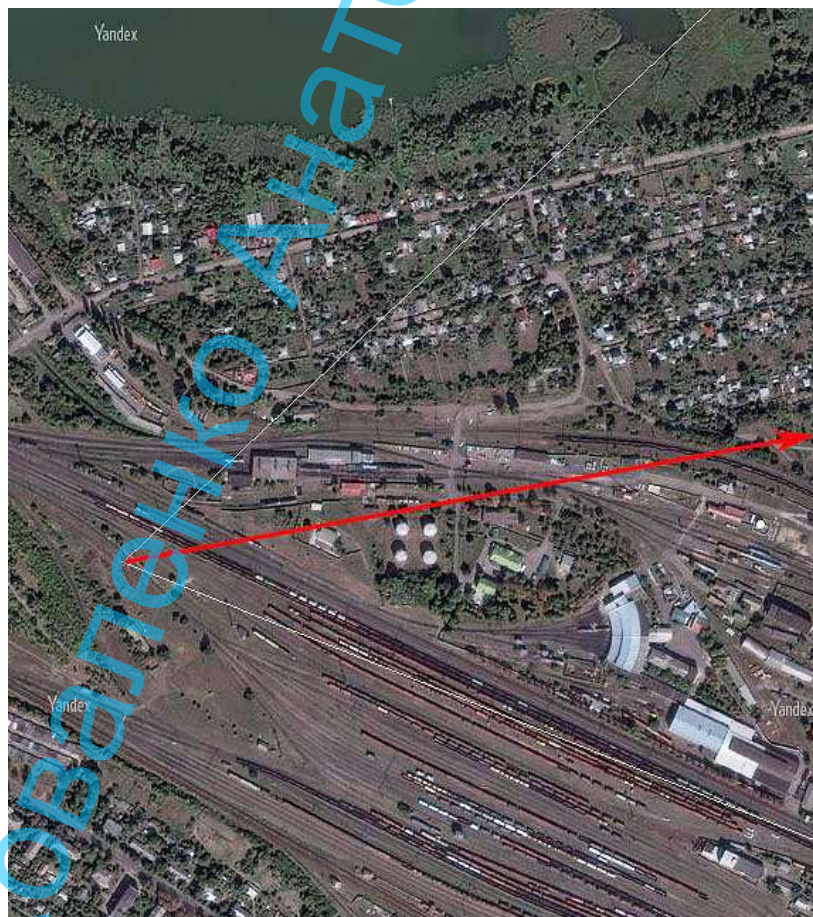

29-1. Привязка снимка 29 к спутниковой карте нынешней станции им. Т. Шевченко

30. Въезд в Знаменский парк Бобринской со стороны Цветково.
Май 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Видны здания паровозного депо; за ними – территория Кута; ближе к горизонту – часть Загребли и Гречковки. В середине снимка – вошедший уже в парк, запечатленный на снимке 29 «локомотив прусского типа с прицепом».

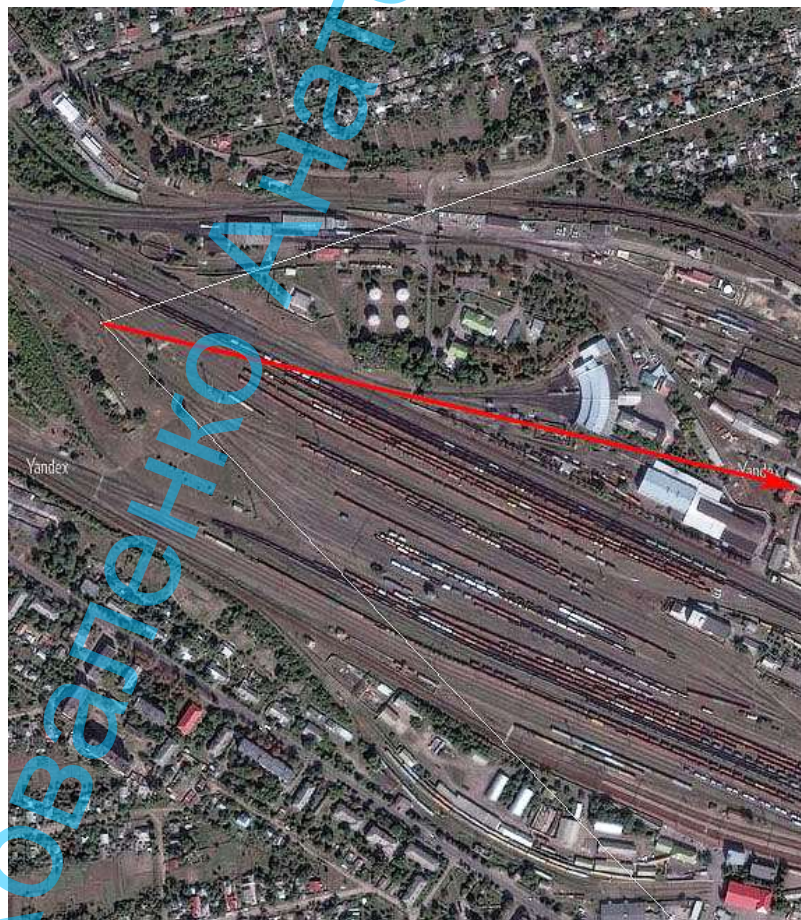

30-1. Привязка снимка 30 к спутниковой карте нынешней станции им. Т. Шевченко

31. Панорама станции Бобринской. Май 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

В правой нижней части снимка видна сцепка платформ, которая входит в горловину сортировочного парка; вдали, за паровозным депо (правее трубы у горизонта) видны корпуса паровозоремонтного завода. «Локомотив прусского типа с прицепом» продвинулся вглубь парка относительно его положения на снимке 30 еще примерно на сотню метров.

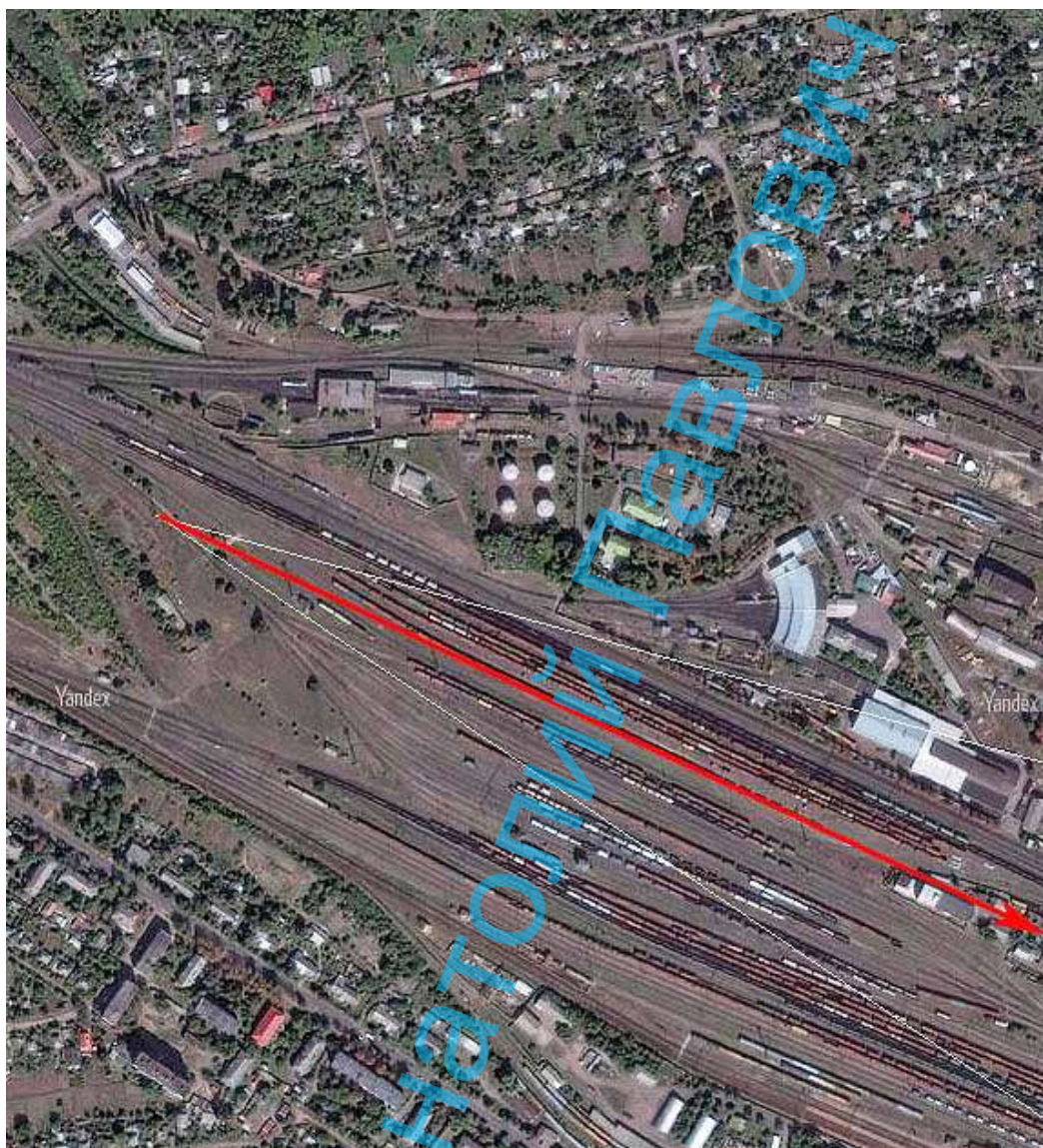
31-1. Привязка снимка 31 к спутниковой карте нынешней станции им. Т. Шевченко

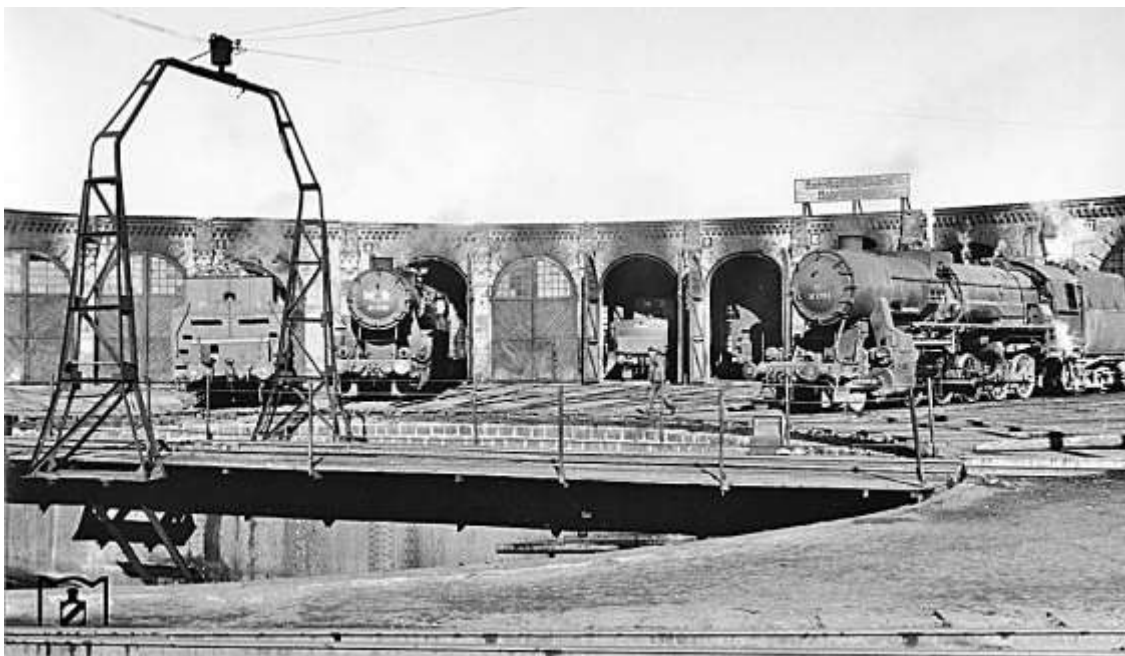
32. Некоторые железнодорожные объекты станции Бобринской.
Май 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Основной объем грузооборота станции составляли перевозки военных грузов и воинских частей. В нижней части снимка видны фрагменты прежней, советской, широкой колеи, оставшиеся после перешировки ее на стандартную для немецких дорог, более узкую колею.

Снимки **28, 29, 30, 31, 32** делались последовательно из одного и того же места (мачты освещения) – сначала **28, 29, 30** и **31** с интервалом в **20–25** секунд, затем, несколькими минутами спустя, – снимок **32**. (Эти интервалы вычислялись мною по смещениям на рассматриваемых снимках локомотивов, людей на территории парка и теней от некоторых объектов.)

32-1. Привязка снимка 32 к спутниковой карте нынешней станции им. Т. Шевченко

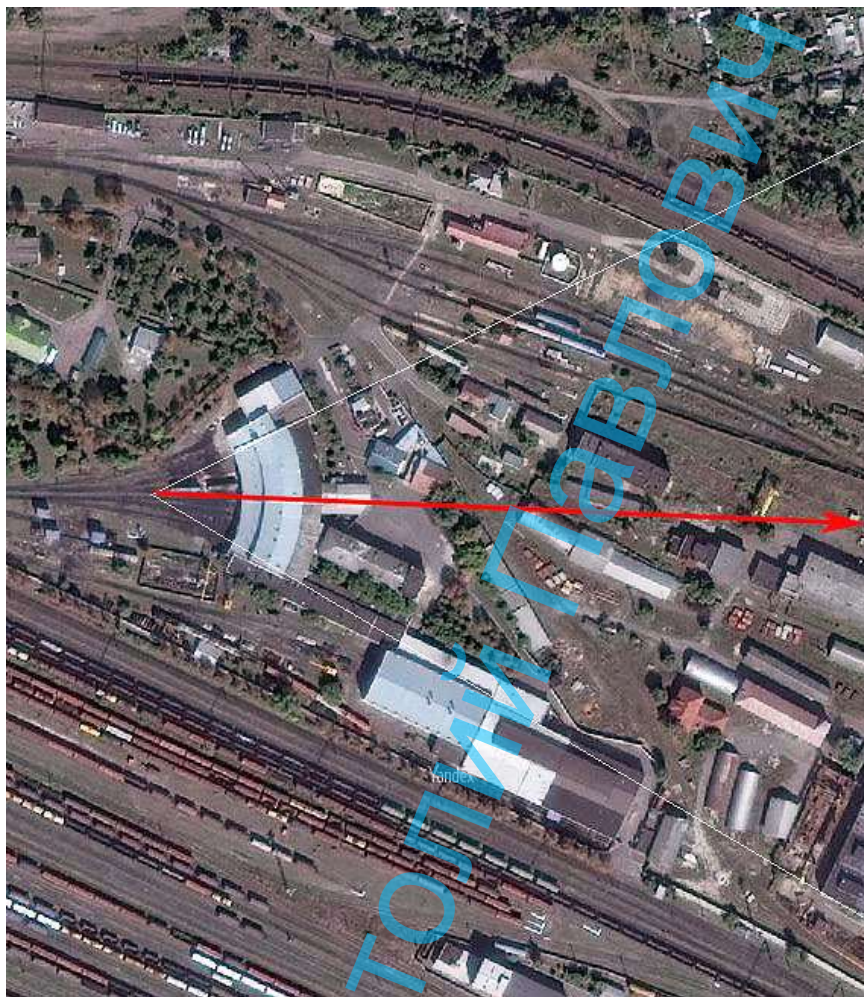
33. Локомотивное депо Бобринской. 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Во время оккупации Бобринская играла роль важного узлового пункта на Украине. Станция формировала и отправляла поезда по четырем направлениям: на север – в сторону Черкасс; на юг – к Помошной; на юго-восток – к Знаменке и на запад – к Цветково; ее депо обслуживало и ремонтировало паровозы почти всех типов, применявшихся на оккупированной Украине.

Примечательно, что здание депо в 1943 году, которым датируется фотография **33**, в сущности, оставалось таким же, каким было построено в начале века (сравните данный снимок с изображением депо 1900-х годов на иллюстрации **33-1**). Остались прежними, к примеру, ворота. Почти не изменились опорные колонны фасада (исключение составляют лишь их верхние части). Получается, что либо здание депо от бомбежек немецкими самолетами в начале войны и от подрыва при отступлении наших пострадало не сильно, либо немцы хорошо постарались при его восстановлении, либо то и другое.

33-1. Здание депо Бобринской в 1900-х гг.

33-2. Привязка снимка 33 к спутниковой карте нынешней станции им. Т. Шевченко

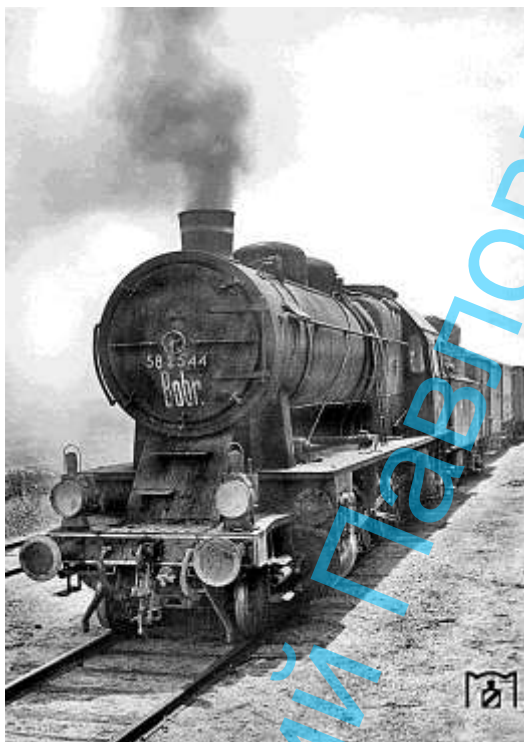

34. Пост контроля дорожного движения № 2 у въезда в сортировочный парк Бобринской.
Зима 1942/43 гг. Фото Банделова

На заднем плане видна упоминавшаяся выше «Потемкинская» мельница. Этот пост есть и на снимке 31 (справа, у самого обреза). Он сооружен немцами во время оккупации станции и разрушен во время их отступления.

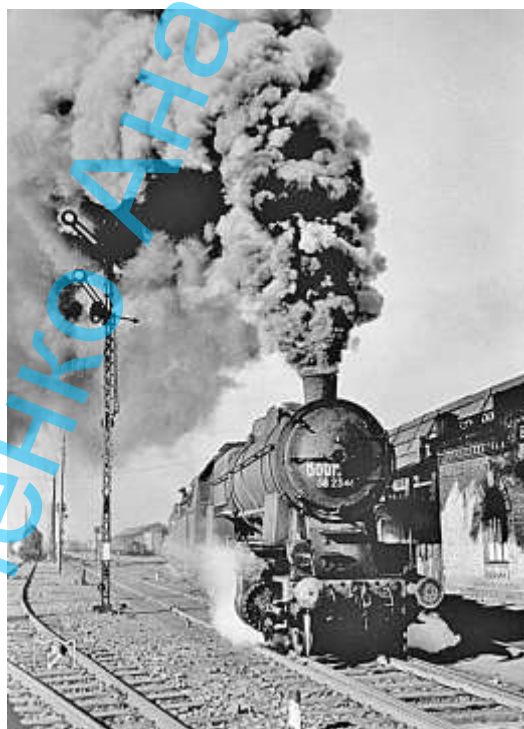

34-1. Привязка снимка 34 к спутниковой карте нынешней станции им. Т. Шевченко

35. Паровоз серии 58, приписанный к депо станции Бобринской.
1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Паровоз этой серии был польской постройки и часто встречался на территории оккупированной Украины. Именно этим паровозом главным образом обслуживалась магистраль Фастов – Днепропетровск.

36. Еще один паровоз серии 58 на Бобринской. 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Паровоз польской постройки, отнесенный немцами к локомотивам серии 58, приписанный к депо Бобринская, выходит из станции в направлении Знаменки. Справа от паровоза высятся корпус паровозоремонтного завода.

37. Передышка на Бобринской. 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

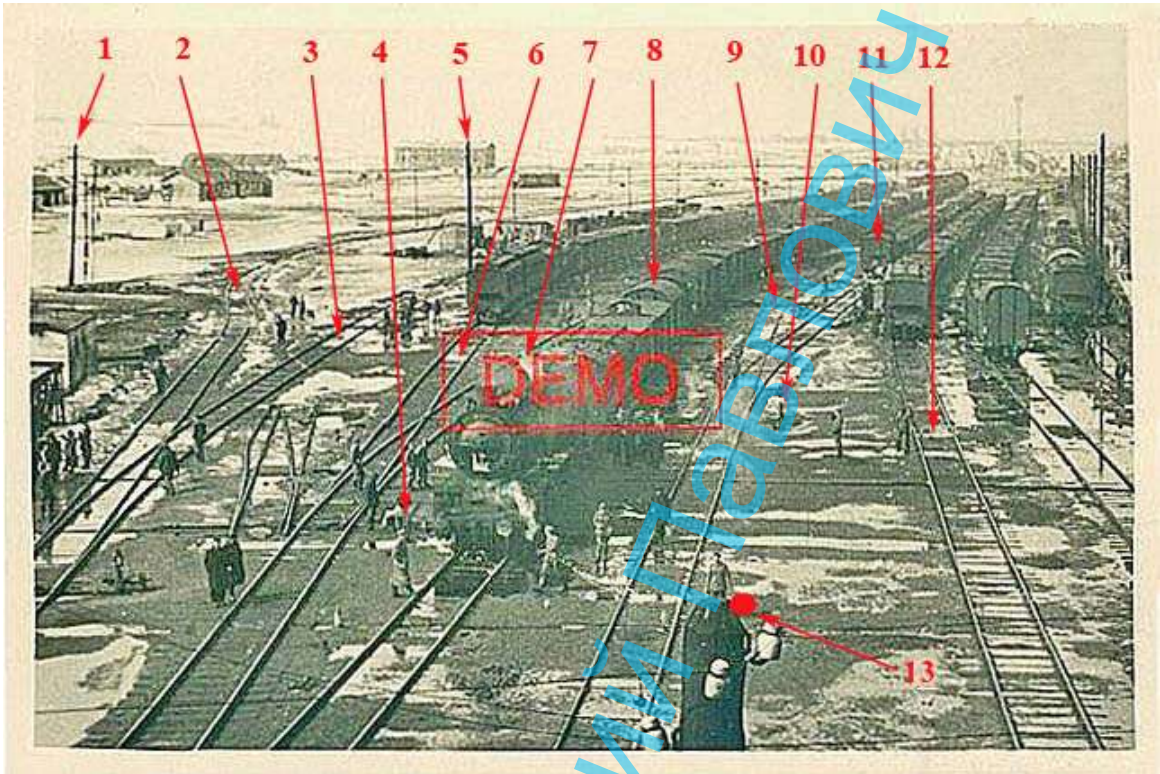
Солдаты вермахта на пути к фронту коротают время вынужденной остановки и надеются, что скоро отправятся дальше. Причиной задержки их движения, возможно, является неготовый к работе, стравливающий пар локомотив.

На фото **37** несомненно запечатлен **Бахмачский парк** – причем, практически с того же места, с которого делался снимок **27**! Разница между ними лишь в том, что снимок **37** более поздний, нежели **27**¹⁵⁰, и делался не с мачты, а с поверхности земли. Сказанное убедительно доказывается сопоставлением характерных деталей названных фотографий¹⁵¹ (см. следующую страницу).

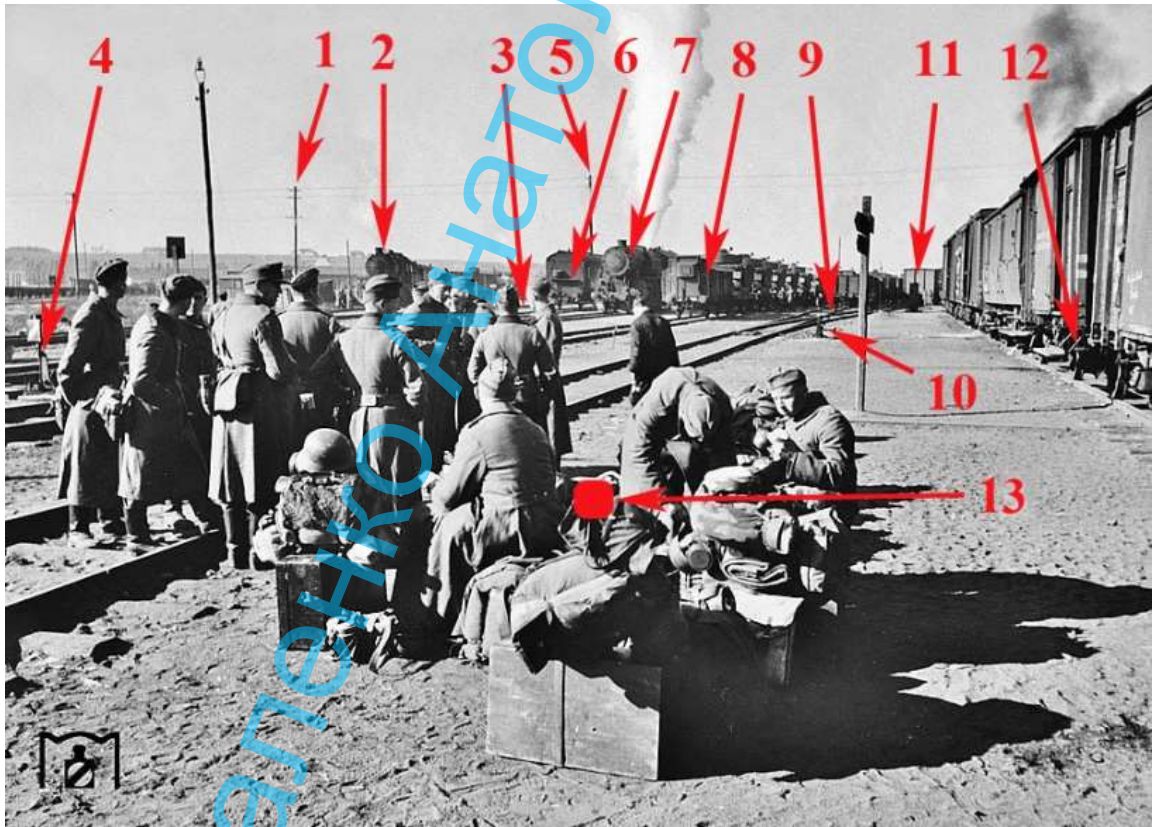
¹⁵⁰ На это указывают дополнительные элементы, которых нет на **27** (деревянная, слегка покосившаяся, мачта с лампой освещения в левой части снимка; столбик с указателями рядом с солдатами).

¹⁵¹ Ориентиры, по которым производилась идентификация фотографий **27** и **37**:

- 1. Телеграфный столб.
- 2. Дугообразная железнодорожная линия (на ней на фото **37** виден идущий в нашу сторону паровоз).
- 3. Железнодорожная линия (она просматривается при большом увеличении и на фото **37**).
- 4. Стрелочный перевод.
- 5. Телеграфный столб.
- 6. Железнодорожный путь. Ближние к нам вагоны стоящих на путях **6** эшелонов на обоих фото удивительно похожи (торцевые их стороны немного отличаются только крышами).
- 7. Железнодорожный путь (на фото **37** на этом пути «дымит» паровоз).
- 8. Эшелон на пути (на фото **37** на этом пути стоит эшелон с бронетехникой).
- 9. Один из путей после стрелочного перевода **10** (на фото **37** на этом пути стоит какой-то эшелон).
- 10. Стрелочный перевод.
- 11. Второй путь после стрелочного перевода **10** (на фото **37** на этом пути тоже стоит какой-то эшелон).
- 12. Железнодорожный путь (на фото **37** это крайний путь у обреза снимка).
- 13. Место расположения немецких солдат.

27

37

37-1. Сопоставительный анализ фотографий 27 и 37.

КОВАЛЕНКО АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ

38. Сортировочный парк Бобринской.
Проезжающие на фронт немецкие солдаты фотографируются на память.
1942 г. Снимок неизвестного немецкого фотографа¹⁵²

Место съемки – на одном из правых путей, крайних по ходу движения вагонов с сортировочной горки (они видны у правого обреза снимка **31**), примерно на траверзе с домом 36 по улице Октябрьской. Направление съемки – въезд на станцию со стороны Смелы по Бахмачской линии. Вдали, слева, виднеется «Потемкинская» мельница.

Мой читатель теперь, надеюсь, лучше понимает, что представляла собою Бобринская при немцах – она стала у них одним из крупнейших железнодорожных узлов на территории оккупированной Украины.

Станция входила в состав компании «Германские государственные железные дороги»¹⁵³. Здесь размещались, как это было в довоенное время и после войны, различные службы управления бывшего «Шевченковского отделения» железной дороги, только теперь они подчинялись не Одессе, как прежде, а Имперской транспортной дирекции «Киев». По моим оценкам, на станции трудилось **свыше двух тысяч человек!**

Малоизвестный сейчас факт: среди служащих и рабочих здесь было немало... немцев из самой Германии! Встречались австрийцы, итальянцы, румыны, французы¹⁵⁴... В большинстве своем наехавшие европейцы были железнодорожники, но были и строители, связисты, инженеры и даже такие «специалисты», как тот немец, которого играл Павел Кадочников в фильме «Подвиг разведчика», – тот, который занимался закупкой украинской свиной щетины и мечтал превратить этот бизнес в золото!

Многие стремились на оккупированную Украину, где можно было устроиться на работу. Ты вроде как и на фронте, но в отличие от своих боевых собратьев на передовой, проли-

¹⁵² Здесь воспроизводится фотоснимок, выложенный на сайте [Smila historical | Facebook](https://www.facebook.com/SmilaHistorical/) 24 февраля 2017 года. Первоисточник его неизвестен. Датировка снимка моя и может потребовать корректировки.

¹⁵³ Иначе «Имперские железные дороги».

¹⁵⁴ Австриец Ганс Шонек (в другом написании Шоне), француз Жан - конкретные имена таких наемных специалистов [Виктор Кондратенко, Леонид Беренштейн. Через черную топь. – Киев, 1979. – С. 50,63,65,97; Г.М. Гончар. Загравы над Тясьмином. – Київ, 1978. – С. 65].

вающих кровь и постоянно рискующих жизнью, можешь добывать сносный заработок свой в относительно комфортных условиях – сидеть за письменным столом и важничать щеголеватым мундиром.

39. Конверт со штемпелем Смелянского филиала фирмы «Выращивание табака на Украине». Апрель 1943 г.¹⁵⁵

Начальствующие лица из немцев-трудовиков с местным населением обращались как ведется у оккупантов – агрессивно и повелительно; рядовые же трудяги относились к нему чаще с пониманием, сочувствием, а иногда даже доброжелательно.

Из воспоминаний моей давней знакомой Жанны Юрченко (Олейник)¹⁵⁶.

В годы оккупации в доме ее родителей, в Куту, проживали два немецких машиниста. И были они, по словам моей рассказчицы, весьма порядочными людьми. Часто, в свободное время, заходили со своей, занимаемой ими, половины дома, к хозяевам – игрались с малышкой Жанной, мирно общались с бородачом-дедом, судачили с мамой, когда-то изучавшей немецкий язык в гимназии...

А однажды, проведя отпуск на родине, в Германии, привезли оттуда сюрприз. В красивой, перевязанной яркой лентой, коробке лежали платице, туфельки, бусики... Всё новое! И всё для украинской девочки – подарок по тому времени роскошный. Я не знаю, не может сейчас сказать и Жанна, была ли это плата за постой на квартире, или обыкновенный человеческий знак дружелюбия к подвластным, но симпатичным им, людям. Как оценивать этот акт? Как понимать тогда известную всем природную немецкую расчетливость и бережливость¹⁵⁷? Да еще в то тяжелое время, когда об излишествах в семьях простых немцев и говорить было нечего?

Некоторое время Жанна красовалась в немецком наряде и после освобождения Смелы от оккупантов, сохранилась даже фотография нашей модницы...

¹⁵⁵ Конверт, выставленный на одном из зарубежных аукционов.

¹⁵⁶ Мы с ней уже встречались на стр. 68.

¹⁵⁷ Тут вспомнилась история поездки моей дочери в Германскую Демократическую Республику. Было это в начале 80-х годов прошедшего столетия. Тогда практиковались межгосударственные поездки детей в рамках так называемых школьных обменов. Нас, родителей, организаторы предупредили, чтобы наши дети запаслись достаточным количеством всяких сувениров, – ими предполагалось обмениваться с немецкими сверстниками. Что, разумеется, и было сделано. К моему удивлению, большая часть тех сувениров моя Люба привезла обратно домой. Объяснение: «А что было делать? Мы дарим немцам, дарим, а они нам – ничего! Скупердяи!»

Продолжаем знакомиться с немецкими железнодорожниками.
Вот они – их будни!

40. Внутренний вид жилого помещения немецких железнодорожников на Бобринской.
1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Немецкие служащие убивают свободное время игрой в карты. На стене – календарь Германских государственных дорог. С потолка свисают обязательные липучки для мух.

41. Немецкие железнодорожники в ожидании формирования состава, направляющегося на фронт, режутся в карты. 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля¹⁵⁸

¹⁵⁸ Я почти уверен, что снимок **41** сделан на Бобринской, хотя Шмидт (владелец коллекции выкладываемых здесь фотографий) название станции не называет. Аргументы: кое-кто из заснятой здесь компании картежников узнаются на снимке **40**, который, как следует из подписи к нему Шмидта, сделан как раз **на Бобринской**; обе сцены сняты одним и тем же фотографом, да и датировка у них одинакова.

42. Внутренний вид служебного жилья немецких железнодорожников.
1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля¹⁵⁹

Железнодорожники, которые не имели возможности снять квартиру у местных жителей, должны были довольствоваться служебной каморкой. Обитатели – народ непритязательный. Была бы крыша над головой – уже хорошо. Внутри – спартанская обстановка: двухъярусная кровать, навесной шкафчик под потолком да табурет. Занимавший на кровати нижнее место имел в своем распоряжении вещавший пропагандистские передачи громкоговоритель и даже мог пристроить в своем скромном владении фотографию оставленной дома любимой. В это время напарник его, вероятно, дремал на верхнем спальном месте под прибитым к стене изображением фюрера. На полу кучей навалены ящики и чемоданы со скарбом, накопленным за время службы...

¹⁵⁹ Название станции Шмидтом не упоминается и в описании этого снимка. Однако есть полное основание полагать, что и он «привязан» к нашей станции. Немецкий железнодорожный служащий, запечатленный на фото справа (в темной курточке и светлой полоской на брюках), вполне узнаваем на снимках 48 и 51, однозначно сделанных на Бобринской (они будут представлены дальше).

43. Служебное помещение немецких железнодорожных управленцев. 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля¹⁶⁰

44. Это – тоже служба. В вагоне-кухне ремонтного поезда немцы-железнодорожники изошряются в чистке картошки. 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля¹⁶¹

¹⁶⁰ Очередной снимок, который Шмидтом непосредственно не приписывается к тем, что имеют отношение к нашей станции. Тем не менее я и его решаюсь причислить к таковым. Делаю я это по нескольким признакам. Он выкладывается Шмидтом среди пакета снимков, помеченных принадлежностью к Бобринской (смотри снимки **40**, **42**, а также следующие за ними **44** и **53**); все снимки этого набора сделаны одним фотографом, все датируются одним временем. Главное же состоит в том, что немец в униформе на снимке **43** (сидящий за ближним столом) весьма похож на того, которого мы можем видеть на снимках **40**, **42**, **48**, **51**...

¹⁶¹ Этот снимок я тоже причисляю к «Бобринским». В архиве Шмидта он хранится в одном ряду с теми, которые имеют явное отношение к Бобринской или с теми, которые я причислил к таковым. Еще один аргумент в пользу моего выбора: два «повара» (первый – слева, в серовой пилотке; второй – в центре, в черной пилотке) очень уж похожи на двух «картежников» снимка **41** (которые там сидят слева).

Основную массу рабочего люда на станции составляли, конечно, местные работники. Выгода от привлечения их к восстановлению Бобринской для немцев была очевидной. Народ они подвластный, а значит, дешевый; в сравнении с завербованными в Европе – почти дармовой; главное же, более опытный, прекрасно знающий специфику железнодорожного хозяйства своей станции... Потому-то немцы стали «нанимать» местных почти с самого начала оккупации...

Надо войти в положение и наших железнодорожников.

Приказ об обязательной трудовой повинности трудоспособного населения был строг. Уклоняющимся от работы грозило серьезное наказание. Да и, лишившись прежних источников существования, долго ли протянешь? Многие семьи остались без кормильцев: кто-то из них должен был эвакуироваться, кто-то оказался в армии, кто-то затерялся в суматошный начальный период войны... А жить-то надо! Работа хоть как-то отводила угрозу обвинения в неблагоденности, там платили какие-то деньги (оккупационными марками), полагался паек; на производствах можно было чем-нибудь дополнительно пожить... Страх, нужда, неопределенность будущего заставляли людей идти к новым хозяевам. В конечном счете, рабочие и служащие станции и ее окрестностей, кто здесь трудился до войны, – машинисты, кочегары, путейцы, кондукторы, вагонники, заводчане, работники обслуживающих учреждений – большей частью оказались на прежних своих местах и при немцах. Разумеется, все они обязанности свои выполняли под строгим надзором управленцев Германских государственных железных дорог¹⁶².

45. Помещение локомотивной диспетчерской на Бобринской¹⁶³.
1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Фотоснимок явно постановочный.

Двое служащих справа – немцы-управители, остальные – местные работники. В окошке – надо думать, очередная паровозная бригада.

¹⁶² Для облегчения взаимопонимания между местными и немецкими железнодорожниками был выпущен, между прочим, специальный двуязычный словарь технических терминов по эксплуатации железных дорог.

¹⁶³ Это название фото дано Шмидтом.

На табельной доске читаются надписи:

НАЛИЧИЕ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

поездных бригад депо Знаменка 8 го отделения паровозн сл ¹⁶⁴			
товарные строенные бригады ¹⁶⁵	маневровые	пассажирские	
на линии	в отдыхе	на линии	в отдыхе
маш п маш коч ¹⁶⁶	*	*	*

Шмидт, скорее всего, ошибся, полагая, что на приведенном выше фото запечатлена диспетчерская Бобринской. Судя по названию табельной доски, фото сделано в Знаменке. Тем не менее я оставляю его здесь в качестве иллюстрации положения местных железнодорожников, поскольку на станциях одного типа и класса (каковыми являются Бобринская и Знаменка) условия их работы были схожими.

Фальшивит Шмидт и в пояснительной характеристике к фотографии, рисуя прямо-таки благостную картину в диспетчерской. Он отмечает веселое настроение «у местного персонала диспетчерской». Но посмотрите на изможденные, скуластые лица наших железнодорожников в проеме стены. Разве им весело?

У Шмидта «немцы **вынуждены** были идти на сотрудничество с местными работниками». Соотечественников своих он выставляет этойкой невинной стороной, будто и не было жестокого приневоливания местного населения к обязательному труду. Тут наш толкователь фотографии, представитель послевоенных поколений немцев и потомок оккупантов либо лукавит, либо не знает сути вещей.

46. Диспетчерская службы движения¹⁶⁷ на Бобринской.
Зима 1942/43 гг. Фото Банделова

Группа местных рабочих-путейцев с самодельной «дрезиной» в сопровождении дорожного мастера направляются на строительные работы.

¹⁶⁴ Паровозной службы.

¹⁶⁵ Подразделение из трех бригад (машинист, помощник машиниста и кочегар), прикрепленных к одному паровозу.

¹⁶⁶ «Маш п маш коч» – машинист, помощник машиниста, кочегар. То же означают и звездочки *.

¹⁶⁷ Название этого железнодорожного пункта на немецком языке «Fahrdienstleiter» читается на его вывеске.

47. Кухня на Бобринской. 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Наши женщины хлопочут у котлов над приготовлением пищи для железнодорожных служащих Бобринской. Фото определенно постановочное. Во время съемки фотограф постарался расставить работниц кухни в привлекательные позы. Поварихи приодеты, и по тому времени демонстрируют определенно не повседневные «наряды». Чего стоят только явно выходные, на высоких каблучках, туфельки. Лишь одна женщина – что в середине кадра – обута в деревянные башмаки. Их немцы выдавали нуждающимся работникам. Помню, мне и моим сверстникам такие башмаки служили вместо коньков – мы на них зимою спускались с горок.

48. Швея на Бобринской. 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Местная швея всегда была готова починить и привести в надлежащий вид униформу немецкого железнодорожника.

Мой отец – человек сдержанный, расчетливый, всегда противившийся любому гнету – при новой власти пошел на работу позже многих других. В первое время просто старался не попадаться на глаза полициям, следившим за теми, кто отсиживался по домам; потом тяжело болел тифом и несколько месяцев восстанавливался, а далее откровенно тянул время. И только когда следившие за «порядком» начали грозить ему репрессиями за при творство, вынужден был идти на завод...

Павло, как и прежде, стал токарничать...

Нельзя сказать, что режим работы при немцах был намного строже, нежели при советской власти до войны. Мастерá, низшие начальники – из своих. Только надсмотрщики были немцы. В цехе они не сидели, а лишь периодически заходили сюда, чтобы проконтролировать, как трудятся рабочие. В производстве они понимали мало что. Главное для них, чтобы соблюдался «немецкий» порядок – чтобы рабочие были на месте, станки все крутились и чтобы было побольше шума. Потому в отсутствие надзирателя наши работали ни шатко, ни валко, занимаясь в первую очередь своими делами, и суетились только при появлении немца. Чтобы он не застал врасплох нарушителей режима, принимались соответствующие меры предосторожности: кого-то выставляли снаружи, у входа в цех – «на шухере»; снаряжали входную дверь специальным устройством – чтобы «звонила» при открывании и т.п.

Однажды немец явился неожиданно: по какой-то причине не сработала «сигнализация». Отец в тот момент мастерил на своем месте нож. Он едва успел открыть ящик стола и забросить туда заготовку и стоял, дрожа от страха. Подошел немец, выдвинул ящик – но ничего не заметил: нож случайно пристал к задней стенке.

Помню еще об одной вещи, сработанной отцом на заводе для домашнего хозяйства. То были мельничные жернова – два массивных металлических круга с насечками¹⁶⁸. Муки тогда в продаже не было. Вот и приходилось добывать ее с помощью ручной мельницы. Установлена она была у нас на столярном верстаке в сарае. Жернова были тяжелыми, крутить бегун было чрезвычайно трудно, по крайней мере, мне, еще недостаточно физически развитому мальчишке. Потому-то я хорошенько и запомнил ту штуковину.

Вышеназванные нож и жернова для отца были вещами случайными – изделиями, так сказать, единичного производства. Обычно же он занимался массовым изготовлением за жигалок.

Во время войны, в условиях острейшего дефицита спичек, бензиновая за жигалка – это простенькое и надежное орудие для получения огня – пользовалась у населения, да и у солдат, огромной популярностью. Баллончик для бензина, фитиль и запальный узел с терочным колесиком и кремнем – вот всё ее устройство. Фитиль, пропитанный горючим, поджигался в ней искрами, которые высекались с кремня зубчатым колесиком. В качестве емкости для бензина и одновременно корпуса за жигалки у отца использовалась... патронная гильза. «Кремни», таблетки из специального сплава, были готовыми элементами. Они добывались отдельно – покупались на базаре или выменивались у оккупантов за молоко, яйца и т.п.

Упростив до предела конструкцию, технологию изготовления деталей и сборки за жигалки, отец наладил ее «серийное» производство. В первую половину рабочей недели он точил, выпиливал отдельные детали. Самым сложным в изготовлении было, как мне помнится, зубчатое колесико. Для твердости его нужно было закалять, а это на рабочем месте токаря не сделать. Заготовленные детали приносились домой, а со среды, или четверга, начиналась сборка механизма. Вечером, после ужина, семья вторично усаживалась в кухне за стол. Родители и Николай принимались за дело, а я, малолетка, примостившись в углу, любовался россыпью игрушечных латунных деталек, золотистым отливом мерцающих в свете лампы-керосинки да наблюдал за ходом работы.

¹⁶⁸ Приходится только удивляться, как удалось отцу пронести такие громоздкие детали через проходную.

К субботе успевали собрать с десяток, а то и более, зажигалок. Потом мама, захватив сработанные вещицы, отправлялась пешком в какое-нибудь дальнее, известное своими базарами, село и там сбывала товар, взамен получая местные продукты. Изделия семейной «мастерской» из Малой Яблоновки отличались высоким качеством, благодаря чему на них даже делались заказы...

Отваживалась мама ездить за харчами и на товарных поездах. И это при немцах! На товарняк можно было пристроиться при помощи знакомых местных машинистов, которые ввели такие составы. Однажды она доехала так до Новомиргорода и Златополя¹⁶⁹. Купила там или выменяла мешок муки и канистру подсолнечного масла. Когда возвращалась к станции в Новомиргороде, ей, чтобы сократить путь, пришлось переправляться через реку. Тащить на себе тяжелый товар обычной, более длинной, дорогой – совсем измучаешься, да еще она боялась опоздать к поезду, который вел в тот раз «Валик Оканів»¹⁷⁰. Реку предпринимательница преодолела в два захода – сначала перенесла на голове мешок с мукою, затем по воде переплывала канистру с драгоценным маслом... Успела... Поехали... Вот и Малая Яблоновка. Когда поезд проезжал мимо нашего огорода, Валык, как и договорились, сбавил ход. Мама сбросила мешки, прыгнула сама... Еле доплелась до хаты... Уже в состоянии голодного обморока ее вырвало зеленью, которой она питалась последние двое суток... Мешки, оставленные под железнодорожной насыпью, были перенесены отцом потом, мама же, больная, несколько дней отлеживалась в постели... Вот какую цену добывался тогда хлеб насущный нашими предками. Знает ли об этом изнеженная, развращенная сытостью, нынешняя молодежь?

Подпольные, «левые», занятия отца постоянно грозили ему крупными неприятностями. Но Бог миловал – всякий раз они обходили его стороной. Выручали его природная сообразительность и осторожность. Вот и в хате он оборудовал тайное укрытие. На всякий случай: береженого Бог бережет! В спальне, под кроватью Николая, в полу был сделан аккуратный вырез и вырыта яма. Отец и Николай прятались в ней во время облав. Сверху убежище закрывалось оставшимися от выреза половыми досками и застилалось какой-нибудь тряпкой, на которую ставился еще и детский горшок. Убежище было настолько тесным, что два человека в нём могли разместиться только на корточках и вплотную друг к другу. Однажды из-за такой тесноты наши затворники чуть было не пострадали. Забрались в тайник, а бабушка Мотя, как это обычно делалось в подобных случаях, была выслана на улицу смотреть за обстановкой. Там к бабушке присоединился кто-то из соседей. Сидят на скамейке, лузгают семечки, болтают о том о сём. Опасности вроде не видно... Мотрона так увлеклась разговорами, что забыла о страдальцах в яме. Спихватилась вовремя: подпольщики уже задыхались от нехватки воздуха...

Та яма служила нам и после войны. В ней прятали запрещенный в советское время самогон. Использовалась она и в качестве подсобного, домашнего погребка. В нём мы держали банки с вареньем, бутылки с домашним вином и другие продукты. Этот семейный памятник военной поры сохранился до сих пор.

Значительную часть местных рабочих на станции составляли подростки. Идти работать их заставляла не только бедность в семье и желание помочь родителям, они шли на службу к немцам главным образом для того, чтобы избежать отправки на принудительные работы в Германию.

У тех, кто не решился на этот шаг или кто не успел это сделать вовремя, выбор был невелик.

Многие из ребят, когда начиналась за ними «охота», предпочитали просто прятаться. Но долго ли так продержишься?

¹⁶⁹ Ныне они объединены в один город – районный центр Новомиргород. Окружающая его местность всегда славилась производством дешевой сельскохозяйственной продукции.

¹⁷⁰ Валентин Оканенко. С его сыном я учился потом в одном классе.

Из воспоминаний уже знакомого нам Я.П. Кривошеи:

«Чтобы не попасть на каторгу в Германию, приходилось постоянно скрываться от немцев и полицаев. Четырежды я всё же попал в «сети» полевой жандармерии, дважды был жестоко, до крови, избит немцами. Однако каждый раз мне везло: я находил единственную возможность бежать».

За этими скупыми словами кроются страшные подробности, о которых скромный ветеран войны Яков Прохорович предпочитал не распространяться.

Однажды, 29 января (дело было в 90-х годах минувшего столетия), после торжественного вечера в Смелянском доме культуры, посвященного годовщине освобождения Смелы от немецких захватчиков, стоим с ним, беседуем у входа в краеведческий музей, который он тогда возглавлял. Подходит, как я понял из последующего разговора, директриса школы № 4 – той самой, что расположена рядом с сахарным заводом¹⁷¹. Она слышала, конечно, про то, что в районе «сахарного завода» действовал некий немецкий лагерь, слышала и о злоключениях моего собеседника во время оккупации. «Яков Прохорович, а не придете ли Вы к нам в школу рассказать деткам, как Вы сидели в лагере и потом из него убежали?» Мой товарищ несколько раз отнекивался («Да что там рассказывать?»), но в конце концов должен был уступить напору просительницы и согласиться выступить перед учениками. Обратив внимание на меня, незнакомца, привыкшая поучать дама наставительно заметила: «Надо знать свою историю!»

«Придется что-то придумывать, – обратился ко мне Яков Прохорович, когда бойкая мадам удалилась, – не могу же я рассказывать детям всю правду». И, заметно волнуясь, стал вспоминать о последнем месте заключения...

О том, как родился диковинный план побега; как ему удалось незаметно проникнуть в будку отхожего места; как спрятался в выгребной яме; как сидел в ней, погруженный по горло в говне; как на протяжении почти целого дня, через очко в полу, на голову страдальца дристали испражнениями его товарищи по заключению; как, уже ночью, он освободился из этого фекального плена и преодолел колючую проволоку ограды; как лихорадочно отмывался и «отстирывал» одежду в речке; как после этого не один день «подпольничал» по задворкам, огородам, лесам, избегая встреч с оккупантами и сторонясь даже своих: воняло от него дерьмом за три версты... Ох и натерпелся он тогда страху! Ненависть к немцам и к их приспешникам была через край¹⁷²...

Те из молодежи, кто хоть на минуту забывал об осторожности, могли тут же попасть в лапы ловцов живого товара для рейха.

В этом смысле характерна история 19-летней Насти Анистратенко и ее 8-летнего брата Пети¹⁷³.

Анистратенки, мать и трое детей, в годы оккупации проживали где-то в центре Смелы.

Стояла зима. Как-то Настя, выбравшись на улицу, везла братика на саночках. От дома отъехали немного. Останавливается машина. Два полица с винтовками, не говоря ни слова, хватают Настю и сажают в кузов, затем бросают к ней и Петю. Там уже было несколь-

¹⁷¹ По ул. Блюхера, 20.

¹⁷² В ноябре 1943 года выгребная яма, можно сказать, спасла, уже висевшую на волоске, жизнь герою моего рассказа. Ровно через 66 лет, в ноябре 2009 года, подобная яма эту жизнь у него... отобрала.

Заслуженный 85-летний пенсионер, проживая тогда в одиночестве, заметно терял здоровье и силы. Тряслись руки, отказывали глаза, тем не менее он по-прежнему старался исправно следить за хозяйством. В один из дней вдруг исчез. Изредка навещающие старика сын его и невестка пропажу обнаружили не сразу. Осмотрели дом, сад, подворье, искали у соседей, спрашивали у всех – нет отца. Но тут обратили внимание на какие-то, торчащие из выгребной ямы за хатой, галоши. Кинулись разбираться – а он... там. Как потом выяснилось, накануне Яков Прохорович уронил в яму ключи от дома. Как достать? Что-то стал придумывать, наклонился, сорвался головою вниз и – утонул в нечистотах. За что, спрашивается, была назначена ему такая ужасная смерть? За какие такие грехи? Жуткая гримаса судьбы!

¹⁷³ Анистратенко П.М. Ожидание утра. Страницы воспоминаний. – Минск, 2008.
(<http://studydoc.ru/doc/3711181/anistratenko-p.m.-ozhidanie-utra>.)

ко молодых мужчин и женщин и один, такой же, как и он, малолеток. Повезли на Бобринскую. Парк... Вокруг крытых, готовых к отправке, вагонов выставлены солдаты – охрана, в стороне – офицеры. Пленников грузят в один из вагонов. «Плачь, – просит братишку Настя, – может тебя отпустят». Петя ревет, но внимания на него никто не обращает.

В вагоне набралось человек 25. На окошках – металлические решетки; угол забит досками – что-то вроде туалета; по бокам – деревянные лавки, над ними – нары.

Ночью поехали. Ехали долго – недели три. На одной из остановок высадили всех мужчин, остальных повезли дальше.

Очередная маленькая станция. Приказано всем выйти из вагона. Военных уже не видно – одни гражданские. Настю, Петю и еще нескольких женщин сажают на подводу. Двое молчащих мужчин-возниц. «Где мы находимся?» – спрашивает Настя. «Австрия», – смеясь, объясняет один. В каком-то селеньице Настю с братом отдают в одну из семей. Других своих попутчиков они больше никогда не увидят...

Отныне их жилище – тесная крытая беседка. Глиняный пол. Одна на двоих железная кровать с настилом из досок. Вместо матраца – солома, устланная рядом; другим рядом укрывались. Единственное благо – в каморке есть печурка...

Петя был приставлен к скоту. Летом пас небольшое хозяйское стадо коров и коз, зимой трудился в сарае – ухаживал за животными: убирал навоз, чистил их щетками, носил корм, воду... Когда выдавалось свободное время, сидел на кровати и скучал по маме и младшей сестренке, оставшихся на Украине. Мама... Что с ней? Пережила ли она неожиданный удар? Она ведь страдала большим сердцем...

Что касается Насти, то ее на работы каждый день возили куда-то на сторону.

Хозяева работников держали, словно в заточении.

Кормили впроголодь. Утром хозяйка выставляла мальчику чашку молока и лепешку; в конце рабочего дня, на ужин возле дверей каморки ставилась в горшке каша и... две лепешки. Сестра, правда, иногда приносила под полой вареную картошку и еще пару кусочков сахара... С ними почти никто не общался, только иногда хозяин кричал незнакомое слово «швайн»¹⁷⁴...

Так наши узники протянули первую зиму, за ней лето и еще зиму. Началось следующее лето...

Однажды, когда уже легли спать, сестра вдруг говорит: «Слышала, что война окончена и что Украина уже давно освобождена. Надо бежать домой, но я пока не знаю, как и что».

Накопили на дорогу еды: лук, коробочку масла... и целую булку хлеба! Сестра разузнала, где ближайшая станция, и они, уже следующей ночью, покинули свою противную конуру. На станции высмотрели подходящий товарный вагон и, закрывшись в нём, затаились, ждут... И вот тронулись. Куда направляется состав, они понятия не имели. Однако эта неизвестность их не страшила: главное было вырваться из неволи...

Ехали долго – больше стояли, чем ехали... Рано или поздно их должны были обнаружить... Солдат направляет на диковатых чумазах «зайцев» винтовку, что-то кричит. Вышли, доставлены к офицеру. Нет, это не немцы, в немецкой форме они разбирались. Это были поляки, и это была Польша! Несказанное везение!

Беглецов передали советским военным, три дня откармливали, потом пристроили в теплушку и через несколько дней высадили уже на территории Украины – в Дрогобыче. Петя на всю жизнь запомнил, как начальник здешней станции еще два дня поил его с сестрой чаем... с сахаром¹⁷⁵!

Наконец приехали домой. Мать, как увидела детей, потеряла сознание. Когда Настя и Петя пропали, ей кто-то сказал, что их расстреляли.

¹⁷⁴ По-немецки означает «свинья».

¹⁷⁵ Искусственный, в виде бесцветного порошка или таблеток, заменитель сладкого, который в сотни раз слаще обычного сахара. В годы оккупации был весьма ходовым товаром, который можно было купить или выменять у немцев за натуральные местные продукты.

Петю сразу зачислили в первый класс, но проучился он недолго. Из школы его раз за разом отправляли домой: мальчик никак не мог избавиться от опасной для окружающих заразы – от вшей.

С Настей и вовсе случилась беда. Вскоре после возвращения в Смелу она укатила поискать лучшей доли на стороне. В 1947 году пришло извещение, что она погибла, но подробности ее смерти остались невыясненными...

Судьба девушки Насти могла сложиться иначе, последуй она примеру некоторых, более смекалистых, своих сверстниц. Забыв о морали, они заводили близкие связи с полицией¹⁷⁶, крутили романы с немцами, тем более что те не прочь были поиграть «в любовь» с украинскими кралями. Короче говоря, они не брезговали ничем, лишь бы получить покровительство влиятельного хахала и не попасть в немецкое рабство...

Запомнилась сценка на Тясмине. Вдоль берега прогуливается туда-сюда парочка – немецкий офицер и одна из малояблоновских фройляйн¹⁷⁷. Кавалер развлекает «подружку» чем может: играет на губной гармошке, учит обращению с пистолетом; показывает, как целиться, а потом, обнимая ее сзади и направляя руку, разрешает выстрелить в воду... Смеются, весело! А мы, детвора, вертимся рядом: интересно же – наша девица стреляет из пистолета!

Удалось ли той барышне избежать отправки на чужбину, не знаю. Знаю только, что по крайней мере одна из наших соседских дивчин с Первомайской улицы в Германию всё же попала. Вернувшись оттуда после войны, вела себя тихо, и о пережитом старалась помалкивать... В середине 90-х годов прошлого века, когда со стороны Германии начались выплаты бывшим остарбайтерам¹⁷⁸ и жертвам нацизма, она приоткрылась, оформила положенные документы и вроде бы даже получила от немцев некоторое единовременное пособие...

История детей Анистратенко показывает, что в шальное и непредсказуемое время оккупации надо было оберегать от насильственного вывоза в Германию не только подростков, но даже детей дошкольного возраста. Я, ровесник несчастного Пети Анистратенко¹⁷⁹, тоже мог, как и он, загреметь на чужбину... Вот почему переживали мои родители, когда в Малой Яблоновке проходили облавы...

Обычно меня не прятали, а только убирали с глаз полицаяв (удаляли в глухую бабушкину комнату). Что же касается 13-летнего Николая, то его укладывали в мою, коротенькую, детскую кровать, и он – скрючившийся, с поджатыми к груди ногами, укрытый по нос одеялом, – должен был изображать... ребенка, пока не минует опасность. Скоро такой наивный способ маскировки сделался бесполезным: «партизана» выдавала вовсе не детская шевелюра на голове. И тогда брата стали сажать в знакомое уже нам подполье, в котором прятался и отец.

Когда немцы стали отправлять молодежь в Германию, отец решил пристроить Николая на работу на Бобринской. Собственно говоря, так поступали многие родители. Вместе с Николаем отправился, между прочим, на станцию искать занятия и острых приключений и его товарищ по улице Петро Литвиненко. Немцы тех, кто был занят у них на службе «полезным трудом», уже не трогали. Им выдавали аусвайсы (удостоверения личности); пропуска для перемещения по территории вагонного парка и депо; им платили, как и взрослым рабочим, зарплату (оккупационными деньгами)... Более того, им даже разрешалось пользоваться вокзальным буфетом, куда заходили немцы, и где наравне с ними можно было попить... «кофе».¹⁸⁰

¹⁷⁶ Именно эти предатели непосредственно занимались мобилизацией молодежи для работ в Германии.

¹⁷⁷ На немецком – «девушка».

¹⁷⁸ Граждане оккупированных территорий бывшего СССР, принудительно вывезенные немецкими властями в Германию с целью использования их в качестве рабочей силы.

¹⁷⁹ Я был старше его на несколько месяцев.

¹⁸⁰ Конечно, это были его суррогаты.

Николай был устроен в депо на дрезину. Он работал на ней, кажется, в связке с таким же, как и он, напарником под начальством строгого и мрачного дядьки. Хлопцы помогали обслуживать «транспортное средство» и использовались на нём в качестве тягового «двигателя»: дрезина была с мускульным приводом. Разъезжали на ней по разным поручениям, осматривали железнодорожные пути, полотно...

Для начала новенького «проверили». Наставник послал его в топливный погреб набрать канистру бензина. Наполнить канистру из большой емкости можно было только одним способом, которым обычно пользуются шоферы – засасывая его ртом через шланг. Сколько мучился с непривычки мой Николай в глубоком хранилище в скопившихся там плотных парах бензина, сейчас не скажу, но знаю, что наглотавшись и надышавшись бензиновой отравы, он, подымаясь, сумел с трудом преодолеть только пару ступенек лестницы и стал терять сознание. А наверху гоготали старшой и парни, уже прошедшие подобное испытание раньше... Жертву недоброй шутки, конечно, вытащили.

А вот как приучали новичков к обязанностям и производственному режиму немцы.

Как-то выходит, еще не привыкший к немецкому порядку, Николай из цеха. В стороне стоит немец Людвиг – надсмотрщик, высокий детина. Манит пальцем к себе. Показывает на висащие у выхода часы, а на них – без пяти минут до окончания смены. Спрашивает по-немецки: «Сколько времени?» А потом как врежет кулачищем в лицо! Будешь знать!

В другой раз заехали с напарником на дрезине в цех и забыли за собой перевести стрелку. Зашел немец, увидел, расвирепел. Пришлось спасаться бегством через окно...

Дерзким поведением отличался Петро Литвиненко. Вылезет на чердак и плюет сверху, рассчитывая попасть плевком на голову кому-нибудь из проходящих внизу фрицев. Однажды действительно попал на фуражку немца. Тот приставил лестницу и – за шпанюю. Петро – дёру, спрыгнул с противоположной стороны здания на кучу металлолома... Всё обошлось – ничего не сломал, убежал...

Но однажды Петру не повезло. Любил «подпольщик» расстреливать и разбивать из рогатки окна в цеху. Стекла в них прочные, армированные проволокой, – дорогие: вред – большой. Вызвал немец-надзиратель всех подростков, построил у стены, на которой висела целая коллекция нагаек, и заставил вывернуть карманы. «Оружие» – рогатка – нашлось только у Петра. Били его нещадно...

В компании «Германские государственные железные дороги» прекрасно понимали, что удовлетворить огромные потребности Восточного фронта только немецкими железнодорожниками и кадровыми работниками из местных старослужащих невозможно. Поэтому в вагонном депо Бобринской были организованы ускоренные ремесленные курсы для молодежи. Здесь ребят обучали правильному обращению со слесарными инструментами, чтобы использовать их потом, в частности, в мастерских в качестве локомотивных слесарей.

49. Массовое обучение подростков слесарному делу на Бобринской. 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

50. Еще одна группа подготовки молодых слесарей на Бобринской¹⁸¹. 1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

¹⁸¹ Мастер, который здесь стоит крайним слева, узнаваем и на предыдущем снимке (он там второй справа – в светлой рубашке).

Хорошо знакомый нам Шмидт, комментируя последние фотографии, отмечает «очевидный интерес к обучению слесарному делу на Бобринской» и не видит доказательств того, что молодые украинцы могли быть «завербованы насильно». Здесь снова, как и в описании снимка 45, сквозит подсознательное желание немца Шмидта хоть как-то извинить преступления своих соплеменников. Мы-то знаем: молодежь шла тогда на учение и разные работы **ВЫНУЖДЕННО** – главным образом для того, чтобы избежать ссылки в неволю в Германию.

Еще один пример «гуманизма» оккупантов иллюстрируется следующим снимком.

51. Материальное «снабжение» на Бобринской.
1943 г. Фото Вальтера Холлнагеля

Из пояснений Шмидта.

Парни, являвшиеся на станцию из сёл, были настолько бедны, что не имели обуви и готовы были работать даже босиком. Потому, мол, на Бобринской местным подсобным рабочим выдавалась обувь «самого простого рода».

Опять чувствуется желание комментатора приукрасить факты. Я, современник тех событий, знаю, что «спецобувь» немцы кое-кому из рабочих выдавали, но это были грубые деревянные башмаки¹⁸². Были они не по размеру большие, неудобные в носке и больно натирали босые обычно ноги. Наверное, как раз эти босовики имел в виду Шмидт, называя их обувью «самого простого рода». Но на снимке вместо нее подросткам вручаются чуть ли не «модельные», в сравнении с деревяшками, пары. Обувь явно не по ноге – как говорится, «сорокпоследнего» размера. Для съемки другой не нашлось...

Что-то не видно радости на лицах наших ребят от проводимого «акта милосердия». Фотоснимок, уверен, показушный.

¹⁸² Я их уже упоминал при обсуждении иллюстрации 47.

Самые ценные и значимые для меня фотографии коллекции Шмидта, имеющие отношение к Бобринской, представлены ниже.

52-1. Железнодорожный переезд близ Бобринской. Кадр № 1.
Зима 1942/43 г.¹⁸³. Фото Банделова

52-2. Железнодорожный переезд близ Бобринской. Кадр № 2¹⁸⁴.
Зима 1942/43 г. Фото Банделова

¹⁸³ Датировка моя.

¹⁸⁴ Судя по перемещению саней, кадр № 2 снимался секунд через десять после кадра № 1.

52-3. Железнодорожный переезд близ Бобринской. Кадр № 3.
Зима 1942/43 г. Фото Банделова

В галерее Шмидта эти фото значатся под названиями «Железнодорожный переезд на Украине», однако сопроводительные пояснения к ним недвусмысленно указывают: на фото снят «**переезд возле Бобринской**».

Комментируя фото, Шмидт пишет: солдаты вермахта с их высокотехнологичным транспортом поначалу насмеялись над такими примитивными местными средствами передвижения, как конные сани, но позже, при отступлении, они рады были бежать на простой телеге или тех же санях. А еще он обращает внимание на привлекательную хозяйку шлагбаума на переезде: у нее не было никакого надежного убежища, единственная возможность передохнуть – это присесть на привезенные с собою саночки...

Из-за недостаточного качества фотографий, неопределенного ракурса съемки и прочих моментов идентифицировать «**переезд возле Бобринской**» мне долгое время не удавалось. Однако, как говорится, терпенье и труд всё перетрут. Призвав на помощь совокупность информации по другим немецким фото, а также знания местности, эпохи и личные свои наблюдения, я загадку... разгадал! Как же я радовался! Без ложной скромности заявляю: решить головоломку спустя три четверти века после описанных событий и так глубоко, во всех подробностях, «прочитать» непонятные фотографии – МОГ ТОЛЬКО Я И НИКТО БОЛЬШЕ! Потому, подражая Пушкину, могу воскликнуть: «Ай да Коваленко! Ай да сукин сын!»¹⁸⁵

Вот главный мой вывод.

Искомый «переезд» находился в каких-то 200 метрах от родительской хаты!

Тут мне придется вернуться к карте, отображающей родную местность в пору моего детства и юности¹⁸⁶. Видите пункт **2** в конце Рабочего переуллка? Сейчас там платформа «Хмельницкая» и останавливаются местные поезда (по-теперешнему «дизели»). Останавливались там рабочие поезда и прежде – в «эпоху» паровозов. Здесь как раз и был некогда этот самый, мною раскрытый переезд!

¹⁸⁵ По случаю окончания трагедии «Борис Годунов» Пушкин в письме другу, поэту Петру Вяземскому, писал: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал **ай да Пушкин, ай да сукин сын!**» Последняя фраза стала крылатой и служит для выражения восторга от блестяще исполненной работы.

¹⁸⁶ См. иллюстрацию **3** на стр. 9.

Прекрасно известное мне место: я шлялся около него еще при немцах!

Зимой 1942/43 годов на нашей улице я не раз встречал точно такие же конные сани, какие видны на выложенных снимках. В ту зиму мужики регулярно возили – по Первомайской, Рабочему переулку, через переезд и дальше по привычному для них маршруту – «бурачки» с полей Великой Яблоновки на сахзавод в Смелу. Сани были дырявые, перегружены; случалось, какие-то бурачки выпадали на дорогу. Я подбирал их и приносил домой – следовал примеру дедушки, который первым открыл этот «промысел». Бураки шли на борщ, а если их набиралось достаточное количество, то и на самогон...

Возчику, укутавшемуся в теплые одежды, лень было в мороз следить за поклажей, оставившись и собирать потерянную мелочь... Потому иногда мы с уличным дружкой, вооружившись длинной проволокой с загибом на конце, это безразличие использовали. Один из нас отвлекал «водителя транспорта», другой подкрадывался сзади и старался крючком незаметно зацепить и стащить с саней сладкую добычу... До сих пор помню запах того морозного воздуха детства, тот «аромат» свежих конских какашек, разбросанных по санному пути...

В 2015 году я располагал только снимками **52-1** и **52-2**, и многое в них меня смущало. Я не находил на них даже железнодорожного пути, тем не менее альтернативы для моего «переезда возле Бобринской» я не видел. Однако стоило мне, уже в 2019 году, «разжить-ся» третьим снимком серии, фото **52-3**; стоило усилить контрастность и резкость отдельных мест изображений, укрупнить их масштаб – стоило так потрудиться, как я увидел то, что искал и до этого не мог видеть. Всё стало на свои места.

Теперь могу объяснить подробности своего открытия.

Съемка производилась одним заходом и с одного места. Переезд – практически под ногами у немецкого фотохроникера. Железнодорожная колея переезда отчетливо видна на кадре **53-3**¹⁸⁷. Все сани движутся к переезду – в сторону Рабочего переулка Малой Яблоновки. Здание железнодорожного поста на переезде («Будка») находится за спиной у дежурной и в кадры не попало.

На среднем плане – пустое пространство, на котором сейчас разросся микрорайон Богдана Хмельницкого. Темной, едва различимой полоской, уходит вдаль наезженная дорога¹⁸⁸. Именно по ней сахарная свекла перевозилась из Великой Яблоновки в Смелу на участке маршрута от нашего переезда до мостика через ручей Холодный.

Вдоль дороги выстроились телефонно-телеграфные столбы¹⁸⁹. За ними – хвост молоденькой посадки.

На горизонте, в правой части снимков, просматриваются хозяйственные постройки на правом берегу ручья Холодного (ближе к середине кадров) и станционные здания¹⁹⁰.

Окрестности переезда освоены мною еще с детства:

1. И посадка вдоль железнодорожного пути¹⁹¹, оконечность которой запечатлена на всех фото (после войны, когда она подросла, я охотился в ней за птичьими гнездами: тогда я коллекционировал птичьи яйца и бывал там чуть ли не ежедневно).

2. И железнодорожный пост на переезде – «Будка», на задворках которой я чувствовал себя завсегдатаем.

3. И полевая дорога от переезда к мостику через ручей Холодный. Еще при немцах, в сентябре 1943 года, я дважды ходил по ней в станционный «поселок»¹⁹². Особенно хорошо помню крутой, прорезанный в глинистом склоне, участок дороги перед мостиком.

¹⁸⁷ Она, кажется, заложена брусчаткой.

¹⁸⁸ Эта полевая дорога существовала и показывалась на картах, по крайней мере, еще с 20-х годов (смотри «Карту Смелы с ближайшими окрестностями...» на стр. 6).

¹⁸⁹ Если увеличить масштаб снимков, то, к нашему удивлению, между столбами покажутся многочисленные провода. Они явственно видны на кадре № 3.

¹⁹⁰ Похоже, что это здания «жилого» сектора Бобринской. Мы их увидим еще в другом месте (см. иллюстрацию **53**).

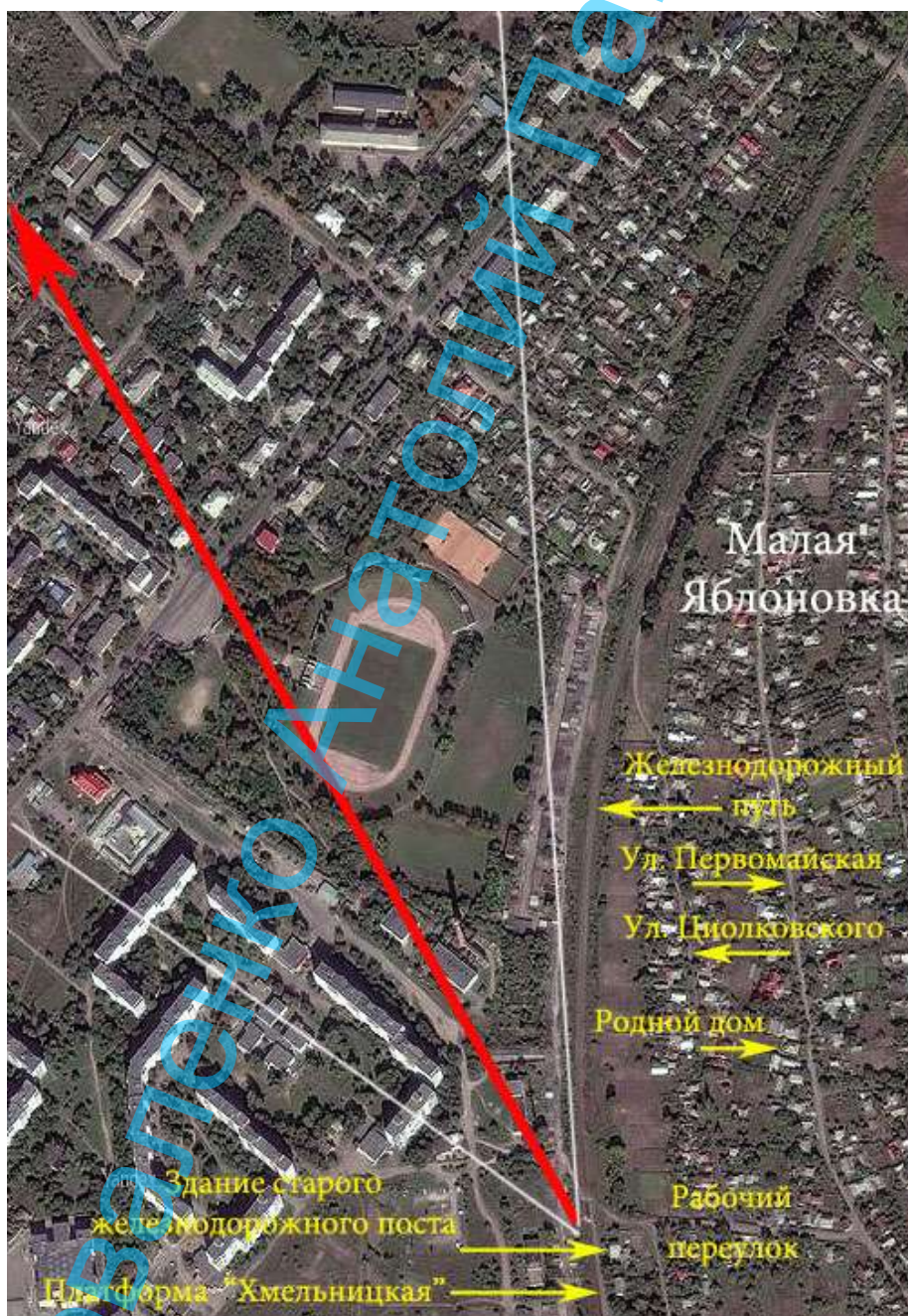
¹⁹¹ См. **карту** на стр. 9.

¹⁹² К этому эпизоду в моей жизни я еще вернусь. Что же касается дороги к поселку, то она показана, в частности, на карте, помещенной на стр. 6.

Помню, как трудно было в слякоть взбираться телегой или саними по скользкому подъему. В первые послевоенные, школьные, годы застал я и остатки упомянутых выше «хозяйственных» построек на берегу Холодного...

Наконец последняя мысль, которая приходит мне в голову в связи с историей переезда. Девочка у шлагбаума и ее приятель-парнишка, пришедший поглазеть на процесс фотосъемки, – скорее всего, жители Малой Яблоновки и, может быть, даже обитали на Первомайской улице. Родители мои и брат Николай (сверстник ребят), надо думать, знали их семьи и их самих. После войны, возможно, пересекался с ними и я. Сейчас их возраст должен был бы быть под девяносто.

А что, если кто-то из них еще жив? Представляю себе шок, который ожидает его, узнай он, что сохранились старые немецкие фото (почти вековой давности!) и когда он, встретив на них себя, всполошит память о своей далекой, туманной юности.

52-4. Привязка снимков 52-1, 52-2 и 52-3 к спутниковой карте местности

Затянувшийся рассказ об уникальных немецких фотоснимках Смелы и Бобринской пора, однако, заканчивать.